

Ж.К. Туймебаев¹ , Н.И. Егоров¹ , Д.Б. Аманжолова^{2*}

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

²Astana IT University, Казахстан, г. Астана

*e-mail: turkology.ri@gmail.com

ОГУРЫ: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ДРЕВНЕГО ЭТНОНИМИЧЕСКОГО ТЕРМИНА

В статье авторы ставят актуальный для современной филологии вопрос о важности создания междисциплинарной отрасли социально-гуманитарных исследований «диахроническая этнолингвокультурологическая компаративистика» в качестве методологической основы специальной комплексной научно-теоретической дисциплины.

Выделение из прототюркского Saz-языка стандартного типа огурской филологии с Lir-языком, по новейшим представлениям, произошло примерно в середине I тысячелетия до н.э. Иначе говоря, распад прототюркского этнолингвокультурного континуума в результате выделения из него огурской ветви несколько условно датируется серединой I тысячелетия до н.э., но сам процесс формирования специфических особенностей языка огурского типа, судя по всему, начался гораздо раньше и продолжался не одно столетие.

Разбирая проблемы этимологии этнонимического термина *oğuz* ~ *oğur*, исследователь должен опираться на закономерности исторической трансформации фонетической системы прототюркского языка накануне его первичного распада и руководствоваться законами формирования специфических особенностей фонетического строя самостоятельных праогузского и праогурского языков в первые века их автономного развития. К сожалению, на современном уровне развития диахронической фонологии языков тюркской семьи фонетические системы и праогузского, и праогурского языков не реконструированы с достаточной объективностью.

Ключевые слова: диахрония, компаративистика, огуры, тюркская палеоистория, этнолингвокультурология.

Zh.K. Tuimebaev¹, N.I. Egorov¹, J. Amanzholova^{2*}

¹Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

²Astana IT University, Kazakhstan, Astana

*e-mail: turkology.ri@gmail.com

Ogurs: Etymological Relations of an Ancient Ethnonym

The authors of the article raise the issue regarding the importance of modern philology in creating an interdisciplinary branch of social and humanitarian research “diachronic ethno-linguistic-cultural comparativistics” as a methodological basis for special complex scientific-theoretical discipline.

The isolation of the Ogur phyla with Lir-language from proto-Turkic Saz-language of the standard type, according to the newest concepts, occurred approximately in the middle of the 1st century B.C. In other words, the disintegration of the proto-Turkic ethno-linguistic-cultural continuum, as a result of Ogur branch isolation from it, is somewhat conventionally dated to the middle of the 1st century B.C., but the very process of specific features formation of the Ogur-type language, apparently, began much earlier and lasted for more than one century.

When dealing with etymology issues of the ethnonym *oğuz* ~ *oğur*, the researcher is to rely on regularities of historical transformation of the phonetic system of the Proto-Turkic language on the eve of its primary disintegration and be guided by formation laws of phonetic system specific features of the independent Praoguz and Praogur languages in first centuries of their autonomous development. Unfortunately, at present level of development of diachronic phonology of the languages of the Turkic family, phonetic systems of both Praoguz and Praogur languages have not been reconstructed with sufficient objectivity yet.

Key words: diachrony, comparative studies, Turks, Oghurs, Turkic paleohistory, ethno-linguoculturology.

Ж.К. Түймебаев¹, Н.И. Егоров¹, Д.Б. Аманжолова^{2*}

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

²Astana IT University, Қазақстан, Астана қ.

*e-mail: turkology.ri@gmail.com

Оғырлар: ежелгі этнонимдік терминнің этимологиялық байланыстары

Мақалада авторлар қазіргі заманғы филология үшін ерекше кешенді ғылыми-теориялық пәннің әдіснамалық негізі ретінде "диахроникалық этнолингвомәдени компаративизм" әлеуметтік-гуманитарлық зерттеулердің пәнаралық бағытын құрудың маңыздылығы туралы өзекті мәселені көтереді.

Арғытүрік Saz-тілінен Lig-тілі бар оғыр филасының стандартты түрінен оқшаулау, ең жаңа идеяларға сәйкес, біздің дәуірімізге дейінгі I мыңжылдықтың ортасында жүзеге асты, яғни оғыр тармағын оқшаулау нәтижесінде арғытүрік этнолингвомәдени континуумының ыдырауы шартты түрде б. з. д. I мыңжылдықтың ортасына жатады, бірақ оғыр тілінің өзіндік ерекшеліктерін қалыптастыру үрдісі әлдеқайда ертерек басталып, шамамен бір ғасырдан астам уақытқа созылған.

Oğuz ~ oğuz этнонимдік терминінің этимологиясының мәселелерін талдай отырып, зерттеуші алғашқы ыдырау қарсаңында арғытүрік тілінің фонетикалық жүйесінің тарихи трансформациясының заңдылықтарына сүйеніп, автономды дамудың алғашқы ғасырларында тәуелсіз арғыоғыз және арғыоғыр тілдерінің фонетикалық жүйесінің өзіндік ерекшеліктерін қалыптастыру заңдарын басшылыққа алуы керек. Өкінішке орай, түркі тілдері семьясының диахрондық фонологиясының қазіргі даму деңгейінде арғыоғыз және арғыоғыр тілдерінің фонетикалық жүйелері шынайы әрі жеткілікті түрде қайта құрылмаған.

Түйін сөздер: диахрония, компаративистика, оғырлар, түркі палеотарихы, этнолингвомәдениеттану.

Введение

В историософии тюркских народов, в особенности эпохи поздней древности и раннего средневековья, накопилось много разных дискуссионных вопросов. Без критического пересмотра устоявшихся ложных стереотипов тюркская историческая наука не продвинется вперед. Поскольку историософия отягощена устаревшими представлениями, ложными постулатами и т.п., говорить об успешном продвижении тюркской исторической науки в сторону объективной истины не приходится. Одной из самых актуальных проблем палеоистории Внутренней Азии в настоящее время является происхождение *огурского этнолингвокультурного континуума* в середине I тысячелетия до н.э. и история взаимоотношений *огурских* тюркских племён с другими раннесредневековыми пасторальными племенами юго-восточной периферии Циркумгобийской историко-культурной провинции. *Огуры* – это западный тюркский эквивалент этнонимического термина *огуз* (Голден, 2013: 77). Но *огурский этнолингвокультурный универсум* сформировался на юго-восточной периферии Внутренней Азии, северном фронтире древнекитайских государств. События, связанные с формировани-

ем в I тысячелетии до н.э. на юго-востоке Циркумгобийской историко-культурной провинции *огурского тюркского этнолингвокультурного континуума* и последующей экспансией *огурских* племён, охватывали огромные степные и лесостепные пространства Срединной Евразии и затрагивая многие народы и государства на рубеже древности и средневековья. Колоссальная роль *огурских тюркских* племён в Великом переселении народов ставит перед социально-гуманитарной наукой задачу всестороннего изучения их места и наследия в истории народов Евразии. Значимость *огурской* проблемы становится всё очевиднее с развитием тюркской предистории и обогащением науки новыми данными археологии, популяционной генетики и диахронической лингвистической компаративистики.

Исследования последних десятилетий по ранней истории тюрков и их этнических предшественников, значительно расширив источниковую базу, ещё раз подтвердили, что выход на широкую историческую арену племён *огурского этнолингвокультурного континуума* ознаменовал начало переломного момента в истории Срединной Евразии. Однако новые материалы и идеи, пополнив фонд источников и обогатив социально-гуманитарную сферу наук, в то же

время выявили и существенные трудности в разработке основных проблем этнической истории Великой степи. Вместе с тем в изучении поздней древности и раннего средневековья Срединной Евразии на сегодняшний момент царит определённый хаос, мешающий объективным реконструкциям на разных диахронических стратах этнолингвокультурной истории пасторальных номадов региона. Из множества проблем, связанных с изучением ранних периодов *огурского* тюркского этнолингвокультурного континуума, есть две узловые:

1) миграция пасторальных номадов Центральной Азии на восточную периферию Великой евразийской степи;

2) распространение в среде прототюркских племён кочевого скотоводства и верховой езды. В ряду таких проблем ранние этапы тюркской предистории являются наиболее дискуссионными. Понимание архисложной проблемы *огурского этнолингвокультурного континуума* Срединной Евразии сопряжено с разработкой огромного корпуса малоизученных и чрезвычайно запутанных проблем, связанных с историей населения Великой Евразийской степи в период с рубежа II–I тысячелетия до н.э. до середины II тысячелетия н.э. Основополагающей среди них является проблема происхождения и исторического расселения *огурских* племён по степной полосе Евразийского континента от Ляодунского залива до Центральной Европы.

Огурская проблема так или иначе сопряжена почти со всеми социально-гуманитарными дисциплинами, включая и присущие практически всем наукам ошибки, «белые пятна» и заблуждения. Эта ключевая проблема порождает целый ряд вопросов, касающихся этнолингвокультурной интерпретации обитавших в Циркумгобийской историко-культурной провинции в I тысячелетии до н.э. популяций, пространственно-временной локализации процессов трансформации характерных для *огурских* тюркских племён этноопределяющих маркёров на разных диахронических и диапоических стратах их миграции от западных предгорий Большого Хингана до Карпатской котловины, установления маршрутов миграций и контактов с другими этнолингвокультурными универсумами в ходе Великого переселения народов и т.д. Для изучения происходивших в степной и лесостепной зонах Срединной Евразии в эпоху поздней древности и раннего средневековья этнокультурных, этнолингвистических, этнополитических процессов

наиболее актуальными представляются вопросы первичного распада прототюркского континуума на две ветви – *огузскую* и *огурскую*, расселения этих общностей в пределах Циркумгобийской историко-культурной провинции, а затем и по всему степному поясу, этническая идентификация встречающихся в китайских исторических источниках «этнонимических» терминов, исторических судеб азиатских *сюнну*, среднеазиатских *хионов* (*хионитов*), европейских *гуннов* и *булгар* и т.д. Без объективного решения этих и многих сопряжённых с ними других вопросов невозможно корректно сформулировать подход к общей этнолингвокультурной истории Срединной Евразии.

Материалы и методы

Большая часть репрезентативной эмпирической базы об образе жизни, социально-культурных, хозяйственно-экономических системах, военном искусстве и практиках многочисленных племён *огурского этнолингвокультурного континуума* Внутренней Азии эпохи поздней древности и раннего средневековья содержится в подлинных китайских нарративных источниках – надписях на бронзовых сосудах, различных документах на бамбуковых или деревянных планках, династийных хрониках, сочинениях ранних историков и т.д. Однако не следует забывать и о том, что ранние этапы этнолингвокультурной истории популяций Циркумгобийского региона протекали вне поля зрения древних китайских историографов, и поэтому сведения письменных источников не позволяют достоверно проследить процессы распада прототюркского континуума и локализовать первоначальные районы обитания племён *огурской* общности. Большая часть древнекитайских нарративных источников эпохи Чжоу (около XI в. – 256 г. до н.э.; традиционно-условная датировка: 1122–256 гг. до н.э.; новая датировка: 1066–221 гг. до н.э.) относится к восточным и западным племенам *огурского этнолингвокультурного континуума* (*дунху* и *сиху* китайских источников). Однако приходится отмечать, что древнекитайские придворные хронисты не располагали достоверными сведениями для выделения *огурских* племён из среды остальных кочевников.

К большому сожалению, дошедшие до нас сведения китайских письменных источников не могут служить надёжной основой для реконструкции ранних этапов этнолингвокультурной

истории Внутренней Азии, ибо во многих случаях остаётся неясным смысловое, предметно-понятийное содержание так называемых «этнонимических» терминов китайских нарративных источников – этноязыковая идентичность, физический антропологический тип, связь с социально-политическими объединениями, археологическими культурами и т.д.

Ещё одним важным источником информации о племенах огурского этнолингвокультурного континуума Циркумгобийской историко-культурной провинции эпохи поздней бронзы и раннего железного века являются археологические исследования. Археологическое источниковедение, как любая другая научно-исследовательская процедура, требует специальных базовых знаний и владения специфическими приёмами и методами объективного анализа репрезентативного эмпирического материала. Специалистам хорошо известно, что данные археологии подчас входят в противоречие со свидетельствами нарративных источников и выводами диахронической лингвистической компаративистики. Это обстоятельство существенно осложняет изучение ранних этапов этнолингвокультурной истории Внутренней Азии.

Результаты физико-антропологических исследований и сравнительного черепно-лицевого анализа выявили достаточно сложную расовую структуру популяций Внутренней Азии эпохи поздней древности и раннего средневековья. Специалисты в области физической антропологии в целом отмечают сложную расовую структуру популяций Циркумгобийского региона как смесь монголоидов континентального типа и европеоидов в разных пропорциях в разных регионах, но с преобладанием монголоидного расового типа на восточном секторе.

Приходится отмечать, что многие ключевые аспекты древней и раннесредневековой истории *огурского этнолингвокультурного континуума* Внутренней Азии и Срединной Евразии, а именно этноязыковая идентичность, антропологический состав, связь с другими окружающими этнокультурными сообществами, археологическое наследие *огурских* племён и т.д. до сих пор остаются далеко не ясными. Имеющиеся сейчас данные археологии, физической антропологии, палеогенетики (популяционной генетики) весьма противоречивы.

На данном этапе развития социально-гуманитарной сферы наук из всей совокупности релевантного информации для этнолингвокуль-

турной идентификации этнонимических терминов древних источников являются данные диахронической этнолингвокультурной компаративистики. Именно результаты комплексных сравнительных историко-генетических исследований самого разнородного репрезентативного эмпирического материала являются самыми надёжными этноидентифицирующими и этнодифференцирующими маркерами для палеоисторических реконструкций. Современная диахроническая лингвистическая компаративистика обладает проверенным временем необходимым инструментарием и методикой комплексных историко-генетических исследований. Но этим инструментом надо владеть и владеть хорошо. Иначе может сложиться предельно упрощённое и прямолинейное восприятие показаний источников.

Обзор литературы

Проблематика огурской этнолингвокультурной общности уже достаточно давно обозначена двумя областями социально-гуманитарных дисциплин – *диахронической этнолингвокультурной компаративистикой*, занимающейся сравнительным историко-генетическим изучением языков, культур, этносов и их генеалогической систематизацией, и *палеоисторией* (предысторией, доисторией), изучающей совокупность письменных, археологических, этнокультурных, антропологических и других релевантных источников, освещающих далёкое прошлое и средневековье Великой Евразийской степи. Переходя к рассмотрению уровня разработанности некоторых вопросов истории и культуры *огурских тюркских* племён, следует отметить, что уже в конце XIX – начале XX веков актуальность изучения *огурско-булгарско-чувашской* проблематики хорошо осознавалась историками-ориенталистами, но во второй половине XX века эта проблема постепенно стала уходить в тень: подавляющее большинство появившихся в течение последних 50–70 лет исследований по этнической истории тюркских народов. так или иначе, обращается вокруг истории древнетюркских каганатов и не углубляется в прошлое дальше середины I тысячелетия н.э.; а большинство современных лингвистов-компаративистов изучает историю тюркских языков так называемого стандартного типа и их носителей. Вся сложность изучения *огурской* этнолингвокультурной проблематики заключается в том, что на источниковедческие и концептуальные

проблемы накладываются всевозможные aberrации, созданные без малого за два века изучения истории Срединной Евразии самими исследователями, особенно в области изучения проблем этнолингвокультурологии. К рубежу миллениумов даже среди тюркологов и алтаистов мало кто осознавал исключительную важность учёта *огурского* эмпирического материала при разработке наиболее ранних этапов развития не только прото- и пратюркского состояний языка, но и для объективного понимания этнокультурной и этнополитической истории контактировавших с ними индоевропейских, сино-тибетских, палеоазиатских, финно-угорских и ряда других этнолингвокультурных континуумов Срединной Евразии. При таком подходе огромный *огурский тюркский хронотон*, охватывающий временной диапазон как минимум с середины I тысячелетия до н.э. и, в лице живого чувашского языка, вплоть до наших дней, а в пространственном отношении – всю Срединную Евразию от западных отрогов Большого Хингана на востоке до Карпатского бассейна на западе, странным образом выпадает из поля зрения тюркологов и востоковедов.

Тюркская историософия в наши дни постепенно начала осознавать, что в первой половине I тысячелетия н.э. как на востоке, так и на западе Великой евразийской степи в исторические анналы начали попадать преимущественно (можно сказать и «исключительно») те тюркские племена, которые говорили на *огурских* тюркских, или «западных древнетюркских» (Рона-Таш, 1974; 1987) наречиях булгаро-чувашского типа (Golden, 1992; 2006; 2012). Тем не менее, по совершенно непонятным причинам, ярчайший след, оставленный *огурской* этнолингвокультурной общностью в истории Евразии, всё ещё остаётся практически незамеченным современными историками. Основной причиной прозябания *огурской* проблемы, на наш взгляд, является отсутствие надлежащих методологических разработок по комплексному исследованию палеоистории пасторальных народов Срединной Евразии. Выход из создавшегося положения просматривается в создании научно-теоретических и методологических основ специальной комплексной междисциплинарной отрасли социально-гуманитарных исследований, которую можно обозначить как «*диахроническая этнолингвокультурологическая компаративистика*». По сути, в этом ничего особо нового нет, это всего лишь синтез уже подзабытого старого доброго метода «*слова и вещи*» (“*Wörter und Sachen*”)

и традиционного сравнительного историко-генетического / генеалогического языкознания.

Знакомство с литературой, посвящённой ранним этапам этнической истории тюркоязычных народов, ярко обнажает назревшие общеметодологические проблемы археологии и этнокультурной истории Срединной Евразии эпохи поздней древности и раннего средневековья. Одна из них – проблема установления археологического следа прототюрков накануне распада их этнокультурного универсума, или так называемой *тюркской прародины*. Другая не менее важная проблема – это выявление археологических следов образовавшихся в результате произошедшего в первой половине I тысячелетия до н.э. распада прототюркского универсума двух его фил – *огузского* и *огурского* этнолингвокультурных универсумов. С сожалением приходится констатировать, что существующие в специальной литературе довольно многочисленные попытки локализации *прототюркской* и так называемых промежуточных групповых прародин оставляют желать лучшего. И ещё одно чрезвычайно важное замечание: в последние десятилетия в археологической литературе распространилась вопиющая небрежность и некорректность использования этнонимической номенклатуры, особенно почерпнутой из древних нарративных источников (Белых, 2013: 100–105). *Огурская* проблематика в целом так или иначе сопряжена почти со всеми социально-гуманитарными дисциплинами, включая и присущие практически всем наукам ошибки, белые пятна, чёрные дыры, а вдобавок ещё и вольные и невольные заблуждения. Следует также отметить объективные трудности корреляции письменных, археологических, лингвистических, генетических и прочих источников и результатов аналитических исследований в релевантных отраслях социально-гуманитарной сферы наук. Специалистам хорошо известно, насколько сложно наложить на ареал той или иной археологической культуры репрезентативный эмпирический материал социально-культурной и физической антропологии и популяционной генетики. Ситуация ещё более усугубляется, когда исследователи предпринимая попытки сопоставления данные диахронической лингвистической компаративистики с показаниями других смежных социально-культурных дисциплин.

Так, например, П.Б. Коновалов в своё время отметил, что трудности корреляции письменных и археологических источников «обусловлены, с

одной стороны, тем, что письменные источники могут быть отрывочными, субъективными, а иногда просто тенденциозными. С другой стороны, вещественные источники трудно истолкуемы: материальная культура и обряды могут меняться у одних и тех же этносов в зависимости от социально-политических факторов, и вместе с тем они могут быть одинаковы у разных этносов, по крайней мере, у родственных. К тому же они отражают разные сферы жизни людей (первые – главным образом политическую и военную историю, вторые – материальную и духовную культуру), и поэтому иногда они мало чем дополняют друг друга» (Коновалов, 1985: 43–44). На современном этапе развития междисциплинарных исследований проблема на первый взгляд действительно выглядит весьма затянутой во времени и запутанной в пространстве. Но не следует забывать, мы стоим пока в самом начале пути. И будущее – за синтезом данных всех релевантных социально-гуманитарных и естественных наук. Образно говоря, будущих археологов надо снабжать лопатами, заточенными диахронической лингвистической компаративистикой.

Выход из создавшегося критического положения один – *междисциплинарный подход*, суть которого заключается в широкой интеграции всех релевантных социально-гуманитарных дисциплин: этнологии, археологии, диахронической лингвистической компаративистики, культурной антропологии, физической палеоантропологии, сегодня ещё и популяционной генетики. В наше время междисциплинарность всё больше декларируется в качестве генерального направления в дальнейшем развитии как естественной, так и социально-гуманитарной сферы наук (Шнирельман, 2016: 258–284). Для конструктивной работы с самыми разнообразными историческими источниками на междисциплинарном уровне нужны профессионалы. «Ценность гуманитарных подходов должна заключаться как раз в их способности ставить под сомнение объектирующие методы и инструменты (по)знания, дезавуировать эпистемиологические основания их риторики, которые в господствующей системе образования предстают как единственно возможные, деконструировать саму таксономию существующих дисциплинарных делений и научных принципов» (Карабаев, Глостанова, 2009: 24–32).

Социально-гуманитарные дисциплины всегда развивались во взаимодействии смежных от-

раслей, не ощущая при этом каких-то непреодолимых границ между отдельными дисциплинами. Понятие «междисциплинарность» достаточно давно существует и в отечественном, и в зарубежном (ср. англ. *interdisciplinary studies*) обществоведении и «до сих пор никому не мешало и не помогало и, по существу, ни к чему особенно не обязывало» (Чешко, 2016: 389). Обращаясь к прошлому, нетрудно заметить, что именно в области изучения этнолингвокультурогенеза и этнической истории всегда существовали взаимосвязь и взаимодействие социально-гуманитарных дисциплин и неизбежное стремление к сотрудничеству специалистов самых разных направлений. Границы между гуманитарными дисциплинами начали выстраиваться только во второй половине прошлого столетия, именно тогда разошлись пути филологов и историков. Однако справедливости ради следует оговорить, что призывов к сотрудничеству всегда было неизмеримо больше, чем реального желания к совместным исследованиям. Сегодня наступило время говорить не только о междисциплинарной интеграции, но и приступить к очередному научно-техническому прорыву на основе *симбиоза* ряда релевантных социально-гуманитарных дисциплин. Основная проблема заключается в том, что, во-первых, среди исследователей нет ясности в понимании сути этой «интердисциплинарности»; во-вторых, интеграция смежных гуманитарных дисциплин (к примеру, археологии и диахронической лингвистической компаративистики) требовала разработки специальной методики, отвечающей задачам междисциплинарных исследований. А до этого дело, как правило, не доходило. Касаясь этой проблемы, В.А. Шнирельман пишет: «Поэтому в реальности речь шла не столько о междисциплинарных исследованиях, сколько об использовании данных смежных наук для выстраивания этногенетической картины. Но это каждый автор делал по-своему в зависимости от своего понимания проблемы, эрудиции и поставленных целей. Не секрет, что такие построения иной раз страдали выраженным этноцентризмом» (Шнирельман, 2016а: 434). Следовательно, если на повестку дня будет поставлена проблема синтеза этноархеологии и диахронической лингвистической компаративистики, первым пунктом должен стоять вопрос разработки методики комплексных археолого-лингвистических исследований, позволяющей скоординировать процедуры лингвокультурологических реконструкций. Сложность таких

реконструкций связана с тем, что они требуют от исследователей высокого профессионализма и обширных знаний в самых разных областях. Приоритетной дисциплиной в этом направлении комплексных исследований, по моему глубокому убеждению, должна стать диахроническая лингвистическая компаративистика, которая по праву считается самой точной гуманитарной наукой. Практически все авторитетные специалисты признают актуальность, объективность и конструктивность сравнительного историко-генетического метода как самого действенного инструмента для проникновения вглубь времён. Созданные ещё в XIX столетии принципы и методы сравнительно-исторического языкознания выдержали испытание временем, они достаточно прочны, чтобы предотвратить любую крупную «макрокомпаративистическую революцию». Современная диахроническая компаративная этнолингвокультурология на самом деле очень точная гуманитарная наука, которая опирается на испытанные временем методы комплексного интердисциплинарного историко-генетического анализа всей доступной совокупности репрезентативного эмпирического материала. В условиях острого дефицита объективной информации по тюркской палеоистории именно диахроническая лингвистическая компаративистика является важнейшим инструментом для реконструкции дописьменных этапов эволюции этнической культуры, а также главнейшим источником подробной информации для исследования древнейших дивергентно-конвергентных и контактных процессов формирования, распада и расселения по ойкумене разных ветвей тюркского и целого ряда исторически контактировавших с ним индосистемных этнолингвокультурных континуумов.

В первой половине I тысячелетия н.э. на просторах степной и лесостепной зоны Срединной Евразии происходят кардинальные этнокультурные и этнопотестарные процессы, повлиявшие самым существенным образом на этнолингвокультурную ситуацию на всём степном пространстве континента от Большого Хингана на востоке до Балкан и Карпатского бассейна на западе. Именно *огурским тюркским* племенам в эту бурную эпоху суждено было сыграть решающую роль в перекройке этнолингвокультурной карты Срединной Евразии. В ходе продвижения по евразийскому степному коридору *огурские* племена в силу специфики хозяйственно-культурного типа мобильных скотоводов неминуе-

мо должны были проникать вглубь лесостепной зоны Западной Сибири, Южного Урала и Восточной Европы. В условиях затяжного экологического кризиса северные границы степной зоны в эпоху Великого переселения народов продвинулись далеко на север, поэтому места летних кочевий пасторальных номадов следует искать в глубине лесостепи и подтаёжной зоне.

Многое в тюркской историософии зиждется на умозрительных предположениях исследователей XIX века, обусловленных уровнем исторической науки того времени, но, к сожалению, не перепроверявшихся в наши дни и воспринимающихся как непреложные аксиомы. Вопрос о происхождении *огурской* филы тюркской языковой общности и её носителей чрезвычайно сложен и до сих пор остаётся в эмбриональном состоянии. Во многих современных фундаментальных исследованиях по истории тюркских народов зияет огромное белое пятно – напрочь отсутствует *огурский историко-культурный горизонт*, охватывающий временной диапазон в целых два тысячелетия и всю аридную зону Евразии. В современной тюркской исторической науке всё ещё много «слепых зон» и даже «тёмных периодов», но их ни в коем случае нельзя игнорировать. Так, исследование процессов формирования *огурского этнолингвокультурного континуума* Центральной (Внутренней) Азии традиционно остаётся за пределами внимания наших историков, не говоря уже о специалистах смежных отраслей социально-гуманитарных дисциплин. Проще всего, конечно, игнорировать существование в Срединной Евразии в поздней древности и раннем средневековье какого-то ещё одного, параллельного «классическому» тюркскому, *огурского этнолингвокультурного континуума*, тем более, когда информации о нём в традиционной тюркологии не так уж и много (Егоров, 2017, I: 69–168; Егоров, 2015: 21–31; Yegorov, 2014: 124–171).

Игнорирование *огурского* континуума приводит к неверному пониманию всего хода исторического развития не только Центральной Азии, но и всей Срединной Евразии и, в конечном счёте, к некорректным представлениям о ходе этнокультурных процессов во всём Старом Свете. Постигание тайн происхождения и этнической истории *огурской* общности требует от исследователя всестороннего критического осмысления огромного наследия накопленных предыдущими поколениями исследователей коллективных знаний. Изучение истории этнолингвокультур-

ного континуума целесообразно лишь в целом. Даже если исследователя интересует только какая-нибудь деталь социально-культурной сферы жизни этноса, ему всё равно приходится окинуть взором всю систему его культуры, найти место этого фрагмента в этой сложной структуре, установить её иерархическую соподчинённость в системе ценностей, и только потом говорить о той детали, которая понудила его поставить перед собой эту проблему. Историк всегда должен помнить, что объективные знания, то есть истина, всегда скрывается в деталях. Между тем, всестороннее изучение всего комплекса вопросов, связанных с древней и средневековой историей *огурской* общности проливает свет на многие неимоверно запутанные вопросы истории не только тюркских, но и многих других исторически контактировавших народов Срединной Евразии.

Результаты и обсуждение

Определённый ответ на вопрос: кто такие были *огурь*, а также так или иначе аффилированные с ними *древние уйгуры* и множество других пасторальных племён поздней древности и раннего средневековья, кочевавшие за северными границами древнекитайских царств эпохи Чжоу, может дать выяснение происхождения и этимологических связей этого древнего этнонимического термина. Древние тюркские этнонимические термины *огуз* и *огур* давно привлекают внимание специалистов. Сам по себе этноним *оғур* – это, несомненно, огурская («протобулгарская») версия прототюркского этнонимического термина *oguz* (< **hōğur*) с изначальным значением «род», «племя». Так, П.Б. Голден констатирует: «*Oğur* – это западный тюркский эквивалент термина *Oğuz*» (Голден, 2013: 77). Уже в конце XIX века было установлено этимологическое родство этих двух основных вариантов (Радлов, 1893). Их генуинность хорошо аргументирована, и не вызывает никаких принципиальных возражений (Рамстедт, 1909; Абаев, 1958; Баскаков, 1969; Hamilton, 1962; Golden, 2012). Фонетический вариант *огуз* представлен в тюркских языках так называемого стандартного типа, а фонетический вариант *огур* – в так называемых западных тюркских языках болгаро-чувашского типа, которые в последнее время всё чаще определяются как *огурские*.

Существуют две основные версии этимологизации этнонимического термина *oğuz* ~ *oğur*. В основе первой версии лежит сближение этих

вариантов этнонима с общетюркским апеллятивом *oq* (= чув. *ухă*) «стрела» в переносном значении «воинское подразделение лучников» и, далее, «социально-политическая группа», «племя», «племенной союз». Апологеты этой версии ссылаются на западнотюркское словосочетание *on oq* как обозначение союза десяти племён *дуло* и *нушиби*. Вторая версия базируется на сближении интересующих нас этнонимических терминов с общетюркскими апеллятивами *oğul* (= чув. *ывăл*) «сын» и *oğıñ* «род», «племя».

Дь.Немет в своей капитальной работе, посвящённой проблеме происхождения венгров (Nemeth, 1930) со ссылкой на статью Л. Лигети (Ligeti, 1925: 382) утверждает, что слово это состоит из двух частей: *oq* и *-uz* (Nemeth, 1991: 77-79). Примерно так же представлял структуру данного термина и Й. Маркварт (Marquart, 1914: 37), но он ошибочно толковал значение второго компонента как «Mann» / «человек», «муж(чина)» и реконструировал значение слова в целом как «Pfeilmann» / «лучник», «стрелец». Версия Дь. Немета имеет сегодня немало последователей (Sümer, 1981: 124-125; Taşagıl, 2004). И. Кафесоглу определяет значение слова *oğuz* (а также тюрк. *oq*) как «племена», но указывает на определённые трудности, возникающие при такой интерпретации слова, однако, тем не менее, находит такое толкование «логически последовательным» с точки зрения социальной, историко-политической, а также лингвистической перспективы (Kafesoğlu, 2011: 144).

В середине прошлого века на страницах отечественных тюркологических штудий муссировалась идея о тотемном происхождении этнонима *огуз*. Так, историк А.Н. Бернштам утверждал, что слово *огур* изначально имело значение «бык», и впервые зафиксировано в названии рода хуннских шаньюев (кит. *Хуянь*). Затем оно перешло на входившие в державу Хунну племена и вместе с ними распространилось на запад. На востоке же *огур* трансформировалось в *огуз*, а архаичная форма сохранилась в названии уйгуров (Бернштам, 1951: 227-231). Навязчивая идея о возможном этимологическом родстве этнонимического термина *огуз* ~ *огур* и апеллятива **öküz* «бык» (вернее «вол», т.е. «кастрированный бык») давно витает в воздухе, но их огульному отождествлению препятствуют существующие в тюркских языках «непреодолимые фонологические обстоятельства»: этнонимический термин *огуз* состоит из звуков заднего ряда, а апеллятив **öküz* ~ *ökür* – из звуков переднего ряда. В из-

вестных тюркских языках слова разного фонетического ряда, как правило, не коррелируют друг с другом. Вместе с тем, самого пристального внимания требует к себе отождествление этнонимических терминов *огур* и *уйгур*, так как их родственные узы проливают свет на многие запутанные вопросы этнолингвокультурной истории тюркских народов Срединной Евразии.

О.И. Прицак высказал предположение, что слово *оq* (< **oqu*) «стрела», лежащее в основе этнонимического термина *oğuz* ~ *oğur*, в переносном смысле служило также для обозначения военного подразделения (Pritsak, 1952 / 2007: 59–74). Несколько модифицируя этимологию Дь. Немета, О.И. Прицак постулирует развитие *оq* «стрела» > *oğıŋ* «род, племя» > *oğuz* «род, племя» и при этом смысловое содержание термина *oğuz* трактует как «крыло основного ядра племени *T'u-chue* / тюркютов и уйгур» (Pritsak, 1952 / 2007: 59–74).

П.Б. Голден в этой связи напоминает, что А.Н.Кононов (1958: 83–84) в своём комментарии к «Родословной туркмен» Абу-л-Гази приводит резюме по существовавшим в то время версиям этимологии интересующих нас этнонимических терминов (Голден, 2013: 79). А.Н. Кононов допускает связь между этнонимическим термином *oğuz* и названиями родственных отношений *oğul* «потомки», «сын», «отпрыски», «дитя» (Кононов, 1968: 84)¹.

Махмуд Кашгари зафиксировал непосредственно гомогенное *ogla* «молодой человек» в диалекте *Argu* и *oğulcuk* (Kaşgari, 1982–1985, I: 166) «женское чрево», осман. *oğulduruk* «чрево», ср. также: *oğulluk* «усыновление, усыновлённый сын», «приёмный сын» (Redhouse, 1974: 257). Дж. Клаусон тоже выводит *oğlağ* «нежно воспитанный, деликатный, изнеженный, выращенный в роскоши» из **oğla* < *oğul* (Clouston, 1972: 85). Сағбайы (2007, IV: 3588–3589) приводит ряд слов, произошедших от *oğul* и *oğus* «сородич», но наряду с другими трудностями указывает на невозможность фонетического развития *оq* > *oğuz*, как это уже было отмечено выше (Голден, 2013: 80).

В этом пассаже П.Б. Голден заострил внимание исследователей на весьма существенных сугубо лингвистических трудностях, возника-

¹ О расширении семантического поля слова см.: Севортян, 1974: 414–416; см. также обсуждение слова *oğul* в: Erol, 2008: 119–123; 407–411, 732–734, который увязывает его с *оq* «племя» / «воу» (Сағбайы, 2007, IV: 3588), также указывает *оg* «сосук» (но без указания на источник).

ющие при огульном сближении тюркских слов **оq* «стрела» и **oğuz* «племя» в качестве гениальных. Он, в частности, пишет: «Однако, какой бы привлекательной не была этимология от *оq*, этимология *oğuz* (и, следовательно, *oğur*) от *оq* + *-uz* затруднительна» (Голден, 2013: 79–80). Возводить к этому *оq* этнонимический термин *Oğur* ~ *Oğuz* невозможно. А. Рона-Таш высказывает определённые сомнения по поводу связанного с этим ротацизма (Róna-Tas, 1999: 101–104; 2011: 226–227). Датировку перехода *-z* > *-r* в западном тюркском / огульском, по его мнению, можно отнести примерно к I в. до н.э. – I в. н.э. Однако, по современным представлениям, выделение из прототюркской этнолингвокультурной общности огульской филы происходило примерно в середине I тысячелетия до н.э. Следовательно, ротацизм начал развиваться в предке праогульского несколько раньше этого времени. А это уже снимает возражения А. Рона-Таша.

Сдвиг интервокального *-q-* > *-ğ-*, часто встречающийся в тюркском, не характерен для *оq* «стрела» в древнетюркском. Например, *yüz arDwq oqwn urDı* «враг поразил его более сотней стрел» в КТ, Е 33 (Bérta, 2004: 159–160). Л. Базен указывает на проблемы соноризации / озвончения *-q-* > *-ğ-*, но ограничивается огузским тюркским (Bazin, 1953: 315). Его попытку идентификации *oğuz* как «молодой бык» / «вол» и отсюда «бесстрашный» следует оценивать как неверную в свете китайского перевода *oğuz* как *xing* «род», «племя». Турецкий и туркменский, как и большинство современных тюркских языков, сохраняют *-q* (совр. тур. *-k*) в *оq* «стрела», ср. тур. *oka tutmak* / *oqa tutmaq* «поливать стрелами», «жечь» (Frank, Touch-Werner, 1999: 411). Сибирские тюркские языки являются исключением (например, хакас. *ot uği* «сердцевина огня» (Бутанаев, 1999: 164). «Если *Oğur* ~ *Oğuz* не происходит от тюркского *оq* «стрела», то каково их происхождение?» – задаётся вопросом П.Б. Голден (Голден, 2013: 79–80).

Приступая к исследованию этимологических связей этнонимического термина *oğuz* ~ *oğur*, Дж.Р. Гамильтон, в принципе, следовал проторенным предшественниками путём: в качестве гениальных он объединял тюркские слова *oğuz*, *oğus* и *oğul* в одно этимологическое гнездо, считая производными от глагольного корня *oğ-* или *oğu-* «производить на свет», «порождать», «родить». В этой связи особый интерес представляет тюркское слово *uğan* / *oğan* «бог», «творец», «создатель», производное от глагольного кор-

ня *u-* / *o-* (Clauson, 1972: 2, 87), или *o-* > **oğ-* > **oğgan* > *oğan*? (Голден, 2013: 80). Далее, Дж.Р. Гамильтон предполагает, что этнонимический термин *oğuz* претерпел фонетическую модификацию в составе предполагаемой нумеративной синтагмы **toquz oğuş*. Иначе говоря, он считает исходным слово *oğuş* «род, племя», которое в результате «гармонической ассимиляции» под влиянием ауслатного *-z* в первом слове *toquz* трансформировалось в *oguz* (Hamilton, 1962: 23–25). Однако такое развитие фонетического облика слова *oguş* (> *oguz*) маловероятно, ибо термин *oguz* именно в таком фонетическом облике встречается как в свободном употреблении (*oğuz* ~ *oğur*), так и в сочетании с другими числительными, не содержащими звука *z* (др.-тюрк. *alti oğuz*). А параллельное существование форм *oğuz* и *oğur* указывает на то, что общий для них архетип **oğuz* с первым долгим гласным восходит к прототюркскому состоянию, то есть к I тысячелетию до н.э.

Идея Дж.Р. Гамильтона была поддержана и развита дальше Э.В. Севортыаном. Он также пытался доказать родственную связь между словами *oğuş* «род», «племя» (Севортыан, 1974: 416, 582) и *oğul* «сын» (Севортыан, 1974: 414–417), *oğlan* «ребёнок, дитя», «сын» (Севортыан, 1974: 411–412), выводя их из общего глагольного корня **oy-* / **oq-* «рождать» (Севортыан, 1974: 416), или **uq-* / **oq-* / **oy-* «рождать» (Севортыан, 1974: 582). В этой связи Э.В. Севортыан разграничивает перечисленные глагольные корни от именных *oq* «стрела», *uq* «род», «потомство» и *uq* «жерди купола юрты» (Севортыан, 1974: 583–584).

П.Б. Голден констатирует: «Нет доказательств перехода *-s* > *-z*. Кроме того, учитывая то, что нам известно о *телэ* и различных группировках, использующих имя *огур* ~ *огуз*, нет надобности уходить так далеко» (Голден, 2013: 80).

Заключение

Во-первых, хотелось бы отметить, что выделение из прототюркского *Saz*-языка стандартного типа огурской филы с *Lir*-языком, по новейшим представлениям, произошло примерно в середине I тысячелетия до н.э. Иначе говоря, распад прототюркского этнолингвокультурного континуума в результате выделения из него *огурской* ветви несколько условно датируется серединой I тысячелетия до н.э., но сам процесс формирования специфических особенностей

языка *огурского* типа, судя по всему, начался гораздо раньше и продолжался не одно столетие. Как известно, процессы трансформации на субстантных и структурных уровнях языка происходят постепенно в течение достаточно длительного времени. Следовательно, разбирая проблемы этимологии этнонимического термина *oğuz* ~ *oğur*, исследователь должен опираться на закономерности исторической трансформации фонетической системы прототюркского языка накануне его первичного распада и руководствоваться законами формирования специфических особенностей фонетического строя самостоятельных праогузского и праогурского языков в первые века их автономного развития. К сожалению, на современном уровне развития диахронической фонологии языков тюркской семьи фонетические системы и праогузского, и праогурского языков не реконструированы с достаточной объективностью.

Во-вторых, сравнительно-историческая фонология тюркских языков при реконструкции архаических состояний звукового строя языков разного диахронического уровня традиционно ориентируется на материал языка орхонских рунописных памятников VIII века как на самую раннюю репрезентативную эмпирическую базу. При этом никто не задумывается над тем, насколько объективно и адекватно отражается в языках древнетюркских рунописных памятников фонетический строй пратюркского («праогузского») состояния, и какие инновации произошли в его фонетической структуре при контактах с древнеуйгурским языком *огурского* типа основного населения Телэской конфедерации и, тем более, при наложении языка *токуз-огуз* на восточноиранский (*согдийский*) субстрат, то есть на язык *тюркютов* (*туцзюэ* китайских источников).

По нашим представлениям, северо-восточные (байкало-саянские и алтае-саянские) тюркские языки сохранили куда больше архаичных особенностей фонетического строя пратюркского языка (Наделяев, 1986; Селютина, 2020). Опыт показывает: когда при реконструкции фонетического строя пратюркской диахронической страты (V в. до н.э. – V в. н.э.) начнём ориентироваться на показания северо-восточных (сибирских) тюркских языков, многие дискуссионные вопросы диахронической фонологии тюркских языков исчезают сами собой.

В-третьих, в основе этнонимических терминов *oğuz* ~ *oğur* лежит другой этимон – пратюрк.

**o:q* / **ho:q* «род», «клан», «племя» (с первичным долгим гласным), рефлекс которого хорошо прослеживается в его чувашском корреляте *йӑх* / *уӑх* «род», «племя». Присутствие в архетипе слова **ōq* долгого гласного **ō* снимает все трудности, связанные с соноризацией *-q* > *-ğ*, ср. **ōq* «род», «племя» > **ōğuz* ~ **ōğur* «племенной союз».

И, наконец, наличие в начале его чувашского когната *йӑх* (*уӑх* / *яӑх*) «род», «племя» протетического согласного *й-* (*y-* / *j-*) указывает на существование в праогурском архетипа **hōğur* «союз племён» (о протетических согласных в чувашском и других «алтайских» языках подробно см.: Туймебаев, 2004). Так, Э. Пуллейблэнк, опираясь на данные древних китайских пись-

менных источников, для интересующего нас этнонимического термина восстанавливает архетип «наподобие **Hağai*» и осторожно намекает: «возможно, это ранняя форма тюркского *Oğur* ~ *Oğuz*» (Pulleyblank, 1984: 456). Реальность существования архетипа **hōğur* в *огурском* тюркском праязыке находит неожиданную поддержку со стороны китайских источников. В хрониках династии Хань («Хань шу» и «Хоу Хань шу») среди народов, покорённых около 174 года до н.э. сюннуским шаньюем Маодунем, упомянуты племена *Hujie* (раннесреднекит. *ho giat*) или *Wujie* (раннесреднекит. *?o giat*). Сведения о них всплывают на страницах китайских династийных хроник и позднее – при описании событий середины I века до н.э. (Sima Qian, 1993: 140).

Литература

- Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1958. – 655 с.
- Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: Высшая школа, 1969. – 383 с.
- Белых С.К. Этнос и археологические «этномаркеры» (Полемиические заметки) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – Ижевск, 2013. Вып. 1. – С.100–105.
- Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. – Ленинград: Изд-во ЛГУ им. А.П.Жданова, 1951. – 256 с.
- Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан: УПП «Хакасия», 1999. – 240 с.
- Голден П.Б. Племена Западного Тюркского каганата *Ок* (*Oq*) и *Огур* – *Огуз* (*Ogur* – *Oguz*). К вопросу о взаимосвязи терминов // Атлас Западного Тюркского каганата. – Астана: Service Press, 2013. – С. 50–80.
- Егоров Н.И. Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа. – Чебоксары: Новое время, 2017. Кн. 1. – 428 с.; Кн. 2. – 440 с.
- Егоров Н.И. Манифестация огурского (протобулгарского) этнолингвокультурного континуума в истории Евразии // Волжская Булгария – 2015. – Ульяновск, 2015. – С. 21–31.
- Карабаев Н.С., Тлостанова, М.В. Модели современного гуманитарного образования // Высшее образование в России. – 2009. – № 1. – С. 24–32.
- Коновалов П.Б. Некоторые итоги и задачи изучения хунну // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 41–50.
- Кононов А.Н. Тюркская филология в СССР: 1917–1967. – Москва: Наука, 1968. – 44 с.
- Наделяев В.М. У истоков тувинского языка // Исследования по тувинской филологии. – Кызыл, 1986. – С.53–63.
- Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. (Из предисловия к изданию Кутатку-Билика). – СПб., 1893. Т.1. – 130 с.
- Рамstedt Г.Й. Этимология имени *oïrat* // Сборник в честь семидесятилетия Г.И. Потанина. – СПб., 1909. – С. 547–558.
- Рона-Таш А. Алтайская теория и история среднемонгольских заимствований в чувашском языке // Чувашский язык: история и этимология. – Чебоксары: ЧНИИ ЯЛИЭ, 1987. – С. 6–16.
- Рона-Таш А. Общее наследие или заимствования? (К проблеме родства алтайских языков) // Вопросы языкознания. Москва, 1974. – №2. – С. 31–45.
- Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – Москва: Наука, 1974. – 768 с.
- Селютин И.Я. Фонетические аспекты тюрко-монгольских языковых контактов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2020. – Т. 19. – № 9. – С. 31–42.
- Туймебаев Ж.К. Проблема анлаутных губных согласных в алтайских языках (ревизия фонетического закона Рамстедта-Пеллио). – Москва, 2004. – 182 с.
- Чешко С.В. Феномен интердисциплинарности в отечественной этнологии. – Москва: ИЭА РАН, 2016. – 458 с.
- Шнирельман В.А. Междисциплинарный подход и этногенез // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии. – Москва: ИЭА РАН, 2016. – С. 258–284.
- Шнирельман В.А. Междисциплинарный подход: соблазны и реалии // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии. – Москва: ИЭА РАН, 2016а. – 434–439.
- Bazin L. Notes sur les mots “Oguz” et “Turk” // Oriens. – 1953. – Vol.6. – Iss.2. – P. 315–322.
- Bérta A. Szavaimat jól halljátok // A turk es uigur rovasirasos emlekek kritikai kiadasa. – Szeged: JATEPress, 2004. – 325 p.

- Cağbayır Y. Orhun Yazıtlarından Günümüze Türkiye Türkçesinin Söz Varlığı. – İstanbul: Otuken, 2007. Vol.I-V.
- Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – 989 p.
- Erol H.A. Eski Türkçeden Eski Anadolu Türkçesine Anlam Degismeleri. – Ankara: Türk Dili Kurumu, 2008. – 824 s.
- Frank A.J., Touch-Werner (Tachmouradova) J. Turkmen-English Dictionary. – Kensington, MD.: Dunwoody Press, 1999. – 710 p.
- Golden P.B. An Introduction to the History of Turkic Peoples. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. – 493 p.
- Golden P.B. Oq and Oguz – Oguz // Legacy of L.N.Gumilev and modern Eurasian integration. – Astana: ENU Publishing House, 2012.
- Golden P.B. Turks and Iranians: An historical Sketch // Turkic-Iranian Contact Areas. Historical and Linguistic Aspects. – Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. – P. 17-38.
- Hamilton J. Toquz-Oyuz et On-UyYur // Journal Asiatique. – 1962. – Vol.CCL. – Vol.1. – P. 23-63.
- Kafesoğlu I. Türk Milli Kültürü. 3rd ed. – İstanbul: Otuken, 2011. – 454 s.
- Kasgari 1982–1985: – Mahmud al-Kasgari. Compendium of Turkic Dialects (Diwan Luyat at-Turk) / Ed. R. Dankoff in collaboration with J. Kelly. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982, 1984, 1985.
- Ligeti L. Die Herkunft des Volksnamens Kirgis // Korosi-Csoma Archivum. – Budapest, 1925. – Vol. 1. – P. 369-383.
- Marquart J. Über das Volkstum der Komanen // W. Bang and J. Marquart. Ostturkische Dialektstudien in Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse, N.F. – Berlin, 1914, reprint: Göttingen: Van den Hoek & Ruprecht, 1970. Heft. XIII. № 1. – S. 25–238.
- Nemeth Gy. A hongfoglaloo magyarsag kalakulasa. – Budapest, 1930. – 140 p.
- Nemeth Gy. A hongfoglalo magyarsag kialakulasa, 2nd rev. ed. – Budapest: Akademiai Kiado, 1991. – 571 p.
- Pritsak O. Stammesnamen und Titulaturen der Altaischen Volker // Ural-Altäische Jahrbucher. – 1952. – Heft. XXIV. – № 1–2. – S. 49–104. Eng. Trans.: Tribal Names and Titles Amongst the Altaic Peoples. Bosworth, 2007. – P. 59-116.
- Pulleyblank E.G. Middle Chinese: A Study in Historical Phonology. – Vancouver: University of British Columbia Press, 1984. – 268 p.
- Redhouse J.W. A Turkish and English Lexicon. Constantinople (İstanbul): The American Mission? 1890. – Beirut: Librairie duLublin, 1974. – 2224 p.
- Rona-Tas A. Hungarians and Europe in the early Middle Ages. An Introduction to Early Hungarian History. – Budapest: Central European University Press, 1999. – 566 p.
- Rona-Tas A. Recent Trends in Mongolic Studies // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 2011. – Vol. 64. – Iss.2. – P. 221-238.
- Sima Qiang. Records of the Grand Historian: Han Dynasty / Rev. ed., transl. B. Watson. 2 vols. – Hong Kong; New York: Columbia Univrsity Press, 1993. – 505 p.
- Sümer F. Oguzlar (Türkmenler): Tarihleri – Boy Teskilati – Destanlari. – İstanbul: Ana Yayinlari, 1981. – 701 p.
- Taşagil A. Cin Kaynaklarına Göre Eski Türk Boylari: M.O. III – M.S. X asir. – Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2004. – XII + 187 + 29 p.
- Yegorov N.I. Orta Asya Tarihinde Oguz “Protobulgar”ın Dil Kültürü ve Devamlığı // Dünya Uygarlığı içinde Türk Uygarlığı: Tarih ve Dil Meseleleri Kurultayı: 26-29 Haziran, 2014. II cilt. – S. 124-171.

References

- Abaev, V.I. (1958). Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka [Historical-etymological dictionary of the Ossetian language]. Moscow. Leningrad. Izd-vo AN SSSR. (in Russian)
- Baskakov, N.A. (1969). Vvedenie v izuchenie tyurkskih yazykov [Introduction to the study of Turkic languages] Izd. 2-e, ispr. i dop. Moscow. Vysshaya shkola. (in Russian)
- Belyh, S.K. (2013). Etnos i arheologicheskije «etnomarkery» (Polemicheskie zametki) [Ethnos and archaeological "ethnomarkers" (Polemical Notes)] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istorija i filologija. Izhevsk. Vol. 1. P. 100-105. (in Russian)
- Bernshtam, A.N. (1951). Oчерк istorii gunnov [A sketch of the history of the Huns]. Leningrad. Izd-vo LGU im. A.P. Zhdanova. (in Russian)
- Butanaev, V.YA. (1999). Hakassko-russkij istoriko-etnograficheskij slovar [Khakass-Russian Historical and Ethnographic Dictionary]. Abakan. UPP «Hakasiya». (in Russian)
- Golden, P.B. (2013). Plemena Zapadnogo Tyurkskogo kaganata Ok (Oq) i Oguz – Oguz (Oguz – Oguz). K voprosu o vzaimosvyazi terminov [The tribes of the Western Turkic Kaganate Ok (Oq) and Oguz - Oguz (Oguz - Oguz). To the question about the relationship of the terms]. Atlas Zapadnogo Tyurkskogo kaganata. Astana. Service Press. P. 50-80. (in Russian)
- Egorov, N.I. (2017). Izbrannye trudy po etnolingvogenezu i etnicheskoj istorii chuvashskogo naroda [Selected Works on Ethnolinguogenesis and Ethnic History of the Chuvash People]. Cheboksary. Novoe vremya. Book 1.; Book 2. (in Russian)
- Egorov, N.I. (2015). Manifestaciya ogurskogo (protobulgarskogo) etnolingvokul'turnogo kontinuumu v istorii Evrazii [Manifestation of the Oguz (proto-Bulgarian) ethnolinguistic and cultural continuum in the history of Eurasia]. Volzhskaya Bulgariada – 2015. Ul'yanovsk. P. 21-31. (in Russian)
- Karabaev, N.S., Tlostanova, M.V. (2009). Modeli sovremennogo gumanitarnogo obrazovaniya [Models of modern humanitarian education] // Vysshее obrazovanie v Rossii. Vol. 1. P. 24-32. (in Russian)

- Kononov, P.B. (1985). Nekotorye itogi i zadachi izucheniya hunnu [Some results and tasks of Hunnu studies] // Drevnie kul'tury Mongolii. Novosibirsk. Nauka. P. 41-50. (in Russian)
- Kononov, A.N. (1968). Tyurkskaya filologiya v SSSR: 1917–1967 [Turkic Philology in the USSR: 1917-1967]. Moscow. Nauka. (in Russian)
- Nadelyaev, V.M. (1986). U istokov tuvinskogo yazyka [At the origins of the Tuvan language] // Issledovaniya po tuvinskoj filologii. Kyzyl. P. 53-63. (in Russian)
- Radlov, V.V. (1893). K voprosu ob ujurah. (Iz predisloviya k izdaniyu Kutatku-Bilika) [To the question of the Uyghurs. (From the preface to the Kutatku-Bilik edition)]. SPb. I. 130 s. (Zapiski Imperatorskoj Akademii nauk po istoriko-filologicheskomu otdeleniyu. Vyp. LXXII, pril. № 2). (in Russian)
- Ramstedt, G.J. (1909). Etimologiya imeni *oirat* [Etymology of the name *Oirat*] // Sbornik v chest' semidesyatiletija G.I.Potantina. SPb. P. 547-558. (in Russian)
- Rona-Tash, A. (1987). Altajskaya teoriya i istoriya srednemongol'skih zaimstvovaniy v chuvashskom yazyke [Altaic theory and history of Middle Mongolian borrowings in Chuvash language] // Chuvashskij yazyk: istoriya i etimologiya. Cheboksary. CHNII YALIE. P. 6-16. (in Russian)
- Rona-Tash, A. (1974). Obshchee nasledie ili zaimstvovaniya? (K probleme rodstva altajskih yazykov) [Common heritage or borrowings? (To the problem of kinship of the Altai languages)] // Voprosy yazykoznavaniya. Moscow. Vol. 2, P. 31-45. (in Russian)
- Sevortyan, E.V. (1974). Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na g'lasnye [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Türkic Vowel Bases]. Moscow. Nauka. (in Russian)
- Selyutina, I.Ya. (2020). Foneticheskie aspekty tyurko-mongol'skih yazykovykh kontaktov [Phonetic aspects of Turkic-Mongol language contacts]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. Vol.19, Iss.9, P. 31-42. (in Russian)
- Tujmebaev, Zh.K. (2004). Problema anlautnyh gubnyh soglasnyh v altajskih yazykah (reviziya foneticheskogo zakona Ramstedta-Pellio) [The problem of anlaut lip consonants in Altaic languages (revision of the Ramstedt-Pellio phonetic law)]. Moscow. (in Russian)
- Cheshko, S.V. (2016). Fenomen interdisciplinarnosti v otechestvennoj etnologii [The phenomenon of interdisciplinarity in Russian ethnology.]. Moscow. IEA RAN. (in Russian)
- Shnirel'man, V.A. (2016). Mezhdisciplinarnyj podhod i etnogenez [Interdisciplinary approach and ethnogenesis] // Fenomen mezhdisciplinarnosti v otechestvennoj etnologii. Moscow. IEA RAN. P. 258-284. (in Russian)
- Shnirel'man, V.A. (2016a). Mezhdisciplinarnyj podhod: soblazny i realii [Interdisciplinary approach: temptations and realities] // Fenomen mezhdisciplinarnosti v otechestvennoj etnologii. Moscow. IEA RAN. P. 434-439. (in Russian)
- Bazin, L. (1953). Notes sur les mots “Oguz” et “Turk”. Oriens. Vol.6, Iss.2, P. 315-322.
- Bérta, A. (2004). Szavaimat jol halljatok/// A turk es ujur rovasirasos emlekek kritikai kiadasa. Szeged. JATEPress. 325 l.
- Cağbayır, Y. (2007). Orhun Yazıtlarından Günümüze Türkiye Türkçesinin Söz Varlığı. İstanbul. Otuken. I – V vols. (In Turkish)
- Clauson, G. (1972). An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford. Clarendon Press.
- Erol, H.A. (2008). Eski Türkçeden Eski Anadolu Türkçesine Anlam Degismeleri. Ankara. Turk Dili Kurumu. (In Turkish)
- Frank, A.J., Touch-Werner (Tachmouradova) J. (1999). Turkmen-English Dictionary. Kensington, MD. Dunwoody Press.
- Golden, P.B. (1992). An Introduction to the History of Turkic Peoples. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Golden, P.B. (2012). Oq and Ogur – Oguz // Legacy of L.N. Gumilev and modern Eurasian integration. Astana. ENU Publishing House.
- Golden, P.B. (2006). Turks and Iranians: An historical Sketch // Turkic-Iranian Contact Areas. Historical and Linguistic Aspects. Wiesbaden. Harrassowitz, P. 17-38.
- Hamilton, J. (1962). Toquz-Oyuz et On-UyYur. Journal Asiatique. Vol. CCL, Iss.1, P. 23–63.
- Kafesoğlu, I. Turk Milli Kulturu. 3rd ed. İstanbul. Otuken, 2011. (In Turkish)
- Kasgari, (1982–1985). Mahmud al-Kasgari. Compendium of Turkic Dialects (Diwan Luyat at-Turk) / Ed. R. Dankoff in collaboration with J. Kelly. Cambridge, MA. Harvard University Press.
- Ligeti, L. (1925). Die Herkunft des Volksnamens Kirgis. Korosi-Csoma Archivum. Budapest. Vol.1, P. 369-383.
- Marquart, J. (1970). Über das Volkstum der Komanen. W. Bang and J. Marquart. Ostturkische Dialektstudien in Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse, N.F. Berlin, 1. reprint: Göttingen: Van den Hoeck & Ruprecht. Heft. XIII. Iss. 1. P. 25-238.
- Nemeth, Gy. (1930). A hongfoglaloo magyarsag kalakulasa. Budapest.
- Nemeth, Gy. (1991). A hongfoglalo magyarsag kialakulasa, 2nd rev. ed. Budapest. Akademiai Kiado.
- Pritsak, O. (1952 / 2007). Stammesnamen und Titulaturen der Altaischen Volker. Ural-Altäische Jahrbucher. Heft. XXIV. № 1–2. S. 49–104. Eng. Trans.: Tribal Names and Titles Amongst the Altaic Peoples. Bosworth. P. 59-116
- Pulleyblank, E.G. (1984). Middle Chinese: A Study in Historical Phonology. Vancouver: University of British Columbia Press. XIX + 268 p.
- Redhouse, J.W. (1974). A Turkish and English Lexicon. Constantinople (Istanbul): The American Mission? 1890; reprint: Beirut: Librairie duLublin.
- Rona-Tas, A. (1999). Hungarians and Europe in the early Middle Ages. An Introduction to Early Hungarian History. Budapest: Central European University Press.

Rona-Tas, A. (2011). Recent Trends in Mongolic Studies. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest. Vol.64, Iss.2, P. 221-238.

Sima, Qiang. (1993). Records of the Grand Historian: Han Dynasty / Rev. ed., transl. B. Watson. 2 vols. Hong Kong; New York. Columbia University Press.

Şimer, F. (1981). Oguzlar (Turkmenler): Tarihleri – Boy Teskilati – Desthanlari. Istanbul. Ana Yayinlari. (In Turkish)

Taşagil, A. (2004). Çin Kaynaklarına Göre Eski Türk Boylari: M.O. III M.S. X asir. Ankara. Türk Tarih Kurumu. XII + 187 + 29 p. (In Turkish)

Yegorov, N.I. (2014). Orta Asya Tarihinde Ogur “Protobulgar”in Dil Kültürü ve Devamlığı // Dünya Uygarlığı içinde Türk Uygarlığı: Tarih ve Dil Meseleleri Kurultayı: 26–29 Haziran. II cilt. S. 124-171. (In Turkish)

Сведения об авторах:

Туймебаев Жансеит Кансеитович – доктор филологических наук, профессор Казахского национального университета имени Аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан, эл.почта: turkology.ri@gmail.com);

Егоров Николай Иванович – доктор филологических наук, профессор Казахского национального университета имени Аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан, эл.почта: turkology.ri@gmail.com);

Аманжолова Джемма Болатовна (корреспондентный автор) – кандидат филологических наук, Astana IT University (г. Астана, Казахстан, эл.почта: j.amanzholova@astanait.edu.kz).

Дата поступления статьи после исправления: 20 января 2024 г.

Принято: 18 февраля 2024 г.